

За улыбчивостью и благодушием Александра Любимова скрывается персона закрытая, на язык осторожная, и очень немногим удается увидеть этого человека без маски, настоящего. Наверное, сказываются гены. Его отец — Михаил Любимов, в прошлом резидент, «наш человек» в Лондоне и Копенгагене, а теперь писатель. «Главное достоинство Любимова — кратко и политически грамотно формулировать свои мысли», — заметил когда-то о своем коллеге Влад Листьев. И в этом, из наследия темных времен взятом определении — «политически грамотно», — пожалуй, Любимов весь.

Александр Любимов: Готовлюсь

Собеседник. — 1996. — № 46. — С. 10

... В его тесном кабинете — домашний уют и беспорядок. За створками шкафа — бутылка джина, кажется, початая. Хозяин — в белой рубашке, подчеркивающей мощный торс. Сразу вспомнился телекритик Г., писавший, что Любимов, «погрузив душой и телом...» Вот с этого и начнем.

— Много людей, для которых вы — Нелюбимов?

— Я не особо об этом задумываюсь. Никому не спешу понравиться. Мне кажется, так и нужно жить — в соответствии со своим внутренним ощущением, что нужно делать и как нужно делать.

— И все-таки парочку имен можно? Вот, к примеру, господин Брынцалов, из-за которого был знатный скандал, говорил о вас: «Не люблю я его, я ему никогда не заплачу!»

— Люди, которые меня не любят, находятся частично в Кремле, частично, по вечерам, в Доме кино. Бомонд, что ли?! Они после августовских событий пошли к портным и сшили себе смокинги... Это и моя нелюбимая категория, не скрою. (У самого Александра Михайловича смокинга нет, что непростительно для человека, регулярно входящего в рейтинг 50 самых влиятельных предпринимателей России. — Авт.)

— Вам доводилось слышать, чтобы кто-то из уважаемых вами персон отзывался о вас хорошо?

— Реально, для дела, мне важно мнение очень немногих людей... Есть вещи, которые определяются не законом и не деньгами, а желанием помогать друг другу жить. Вспоминаю, с какой яростью Союз журналистов России подписывал бумаги — они публиковались в 93-м году — о моем и Политковского аморальном поведении во время путча. Очень хочется узнать: они и сегодня так думают или, может, хотят извиниться? Или им нравится такая жизнь — когда в городе стреляют? Сегодня общество лопленизируется не деньгами, а духом, что гораздо хуже. Отвратительно существовать в такой атмосфере. Все труднее пробивается желание вообще что-то делать. А тогда какой смысл жить?!

— Я наблюдал за вами в разных ситуациях, и почти всегда вы призвали «жить дружно», были просто голубем мира...

— Да?! А все считают меня агрессивным! Я привык говорить то, что думаю, а это в приличном московском обществе не принято. Нет, манеры у меня достаточно агрессивные.

— Власть таких не любит. Как вам удалось сохраниться?

— У меня принцип — никогда ничего не получать от власти, потому что просто так она не даст. Жалкая участь у тех людей, которые что-то получили или просят у сильных мира сего. Я, к счастью, не имею ни дачи, ни земли... Единственное — жена бесплатный кефир берет для ребенка. И все равно у меня постоянное ощущение, что за это меня попросят чего-то сделать.

— Вас до сих пор зовут «взглядовским мальчиком». А в каком возрасте вы сами себя ощущаете?

— Я ощущаю себя молодым. И надеюсь всю жизнь себя так чувствовать. — Просто мистика какая-то! Портрет Дориана Грея! Или у вас свои секреты?

— Бегаю. Качаюсь. Ныряю. Летаю.

— Летае?!

— Да, самолет вожу.

— Личный?

— Нет, есть такая организация ДО-

СААФ. Можно приехать и на час или полчаса взять в аренду. И полетать.

— А время откуда? Ваш рабочий день не имеет жестких рамок?

— Встаю рано. Пробегую три километра. Стараюсь в полночь, в час все дела заканчивать. Дома не работаю, дома я ночую.

— Меня пугали, что журналистов, которые спрашивают вас о частной жизни, вы выставляете за порог. Это так?

— Нет. Но мне скучно про это говорить. Когда вы берете у меня интервью, вы же его берете не у частного лица, а у представителя телевидения. Мне интересно говорить про телевидение, а моя частная жизнь — это моя частная жизнь.

— Хорошо, поговорим с вами как с теленачалником. Вас не раздражают выпады со стороны бывшей ведущей «Темы» Лидии Ивановой, которая в своих статьях и интервью постоянно подчеркивает, как с ней жестоко обошлись после смерти Листьева?

— Я читал. Каждый вправе интерпретировать события своей жизни, но я думаю, что наш российский стиль — прежде всего смотреть на себя, а потом винить всех вокруг. Решение об отстранении Ивановой мы принимали еще вместе с Владом.

— Листьев был в курсе, что она не будет вести «Тему»?

— Конечно... Я могу вам посоветовать читать еще интервью Володи Мукосева, если вы хотите знать как можно больше подобной «информации». Иванова гораздо корректнее излагает все события. Как реагировать на это?! Если у людей что-то в жизни не получается, их надо жалеть. Всем нелегко.

— Правда ли, что «Серебряный шар», программу Виталия Вульфа, вы продаете ОРТ за один доллар?

— К сожалению, да. Денег за «Серебряный шар» нам не платят.

Мы не можем найти общего языка, хотя несем большие трагедии, ведь

Смокинга у Александра Любимова по-прежнему нет. Что непростительно для такого человека.

часто обращаемся к архивам... Канал — это не только рейтинги. Это некая миссия, если хотите. Когда денег мало, любой канал стремится делать формальный рейтинг. Например, порнография — минимальные вложения, максимальная прибыль. Самое дорогое и не приносящее денег — новости и классическая музыка. У любого канала есть проблема: как собрать деньги, чтобы делать то, что нравится. Поэтому все

крики коммунистов о засилье американского кино — бесполезные, бестолковые разговоры. Хочется делать хорошо, много, желательно своего, но исходя из тех средств, которые есть. Мы рассматриваем передачу Вульфа как культурную миссию и тратим на это деньги. «Серебряный шар» никогда не будет рейтинговой программой — так устроена наша аудитория.

— Как долго вы собираетесь еще совмещать творчество и начальство?

— Для того чтобы что-то изменить, нужно или проиграть, или выиграть. Разные могут быть варианты: меня выгонят либо компанию национализуют. То есть ситуация станет выше меня, и тогда можно сказать: а почему, собственно, телевидение? Или — нет, только телевидение, но начать заново! Что, кстати, не станет трагедией. Это такой кайф — начать все заново.

— О чем, на ваш взгляд, сегодня надо говорить?

— О том, что страх поменялся на деньги. Деньги дают большую возможность маневренности, чем страх. Люди выбирают деньги как форму доказательства. Но как раньше я очень иронично относился к тем, кто делал карьеру, так и сейчас я иронично отношусь к тем, кто делает деньги. Мне гораздо любопытнее следующее поколение, чем следующий политический режим. Когда появится антибуржуазное поколение?

Буржуазность

— Это не наш стиль жизни, очень поверхностно, примитивно, пусто.

Где люди, которые крушат по идеологическим соображениям «Порше»? Поколение конформистов! Ходят по клубам, глотают таблетки. Это смешно. Для чего они родились? Где 69-й год в Париже? Почему всем так хочется ходить в таких, как у вас, красивых пиджаках? Сколько вам лет?

— Двадцать девять...

— Ну ладно, вы уже имеете на это право.

— Значит, «новым русским» вы себя не считаете?

— Считаю! Я добился чего-то только тогда, когда общество предоставило мне для этого возможность.

Родись я на десять лет раньше, я бы не смог сделать того, что сделал. Я бы делал то, что делал сейчас, для двадцати человек — встречаясь с ними, выпивая, иг-

эмоции, даже в боли. Все остальное придумывается другими людьми.

— За то время, что мы с вами беседуем, вы несколько раз употребили в телефонных разговорах слово «волка», «выпивать». Это фрондерство человека, который пьет мало?

— Мы же не с вами это обсуждали! Каждый пьет столько, сколько хочет. Как пищевой продукт алкоголь играет определенную роль в моей жизни. Пью иногда. Сейчас меньше. За всю мою алкогольную жизнь у меня было несколько периодов: в молодости все смешивалось — портвейн, водка, все, что можно было добыть. Потом вдруг у меня пошел период коньяка, очень любил. Потом — период водки. Предпочитал «Абсолют». Следующий период — виски. А сейчас, например, я полюбил вина... Проблема не в том, что пьешь, а с кем и где. Часто, к сожалению, пьешь на работе.

— Форма снятия стресса?

— И форма общения тоже. Последняя деловая встреча приходится обычно на десять-одиннадцать вечера, и уже мозг плохо реагирует на происходящее.

— Перед эфиром когда-нибудь пили?

— Нет, никогда. И никому не совету.

— Многие люди, у которых такая же напряженная жизнь, как и у вас, постоянно жалуются, что «живут старыми запасами». Имеются в виду запасы интеллектуальные.

— То же самое. Читать стал меньше, но кино, театр, спорт — все есть.

— Для вас имеют какое-то значение премии, ордена, медали?

— От большинства сегодняшних организаций, начиная от Кремля и кончая «ТЭФИ», я бы не хотел получать награды. Это все признак надвигающейся на тебя опасности — чего-то ты неправильно делаешь или сделаешь неправильно. Поэтому в тех немногочисленных случаях, когда мне собирались давать какие-то награды, за оборону Белого дома к примеру, я старался отстраниться. Если я что-то делаю, я знаю почему. Не для того, чтобы быть премированным.

— Я, простите, бегло осмотрел ваш кабинет, пока вы разговаривали по телефону. Все, что здесь есть — это ваш собственный выбор? Бабочки, например...

— Да, я сам все, без дизайнера. Бабочки? Для меня они — символ уникальной чистоты природы. Это не коллекция. Я просто как-то купил на рынке пять бабочек и повесил. Цветов нет — за ними надо ухаживать, а бабочки — форма цветов для мужчин. Но, отвечая на ваш вопрос: Сергей Пантелеевич собирает не бабочек, а жуков!

— Господи, у меня и в мыслях не было сравнивать вас с Мавроди! Я подумал о Набокове.

— Такое сравнение меня устраивает.

— Какие, кроме бабочек, мужские слабости у вас есть?

— На одежду обращаю внимание, потому что — эфир. А в жизни мне достаточно джинсов.

Как-то Любимов обратился к стилисту, но неудачно: стилист посоветовал ему одеваться от Версаче, Александр отказался, поскольку у Версаче репутация любимого модельера гомосексуалистов.

Известно, что руководитель «ВиДа» любит английскую одежду (влиятельного отца, работавшего когда-то в туманном Альбионе?). Любимые цвета — черный, серый. Предпочитает парфюм «Davidoff».

— У Юрия Лозы есть строчка: «Мне уже многое поздно, мне уже многим не стать...» Кем вам уже не стать, а хотелось бы?

— Я хочу полететь в космос. В этом году решится наконец.

— Вы серьезно?!

— Да. Это не детская мечта. Это желание возникло недавно.

— Из всех ощущений, которые вы испытывали, какое самое-самое?

— «Тарзан». Знаете такой аттракцион? Во всяком случае, самое неожиданное.

— Вы их коллекционируете, острые ощущения?

— Не пропускаю. Не так давно вот держал акулу за хвост. В Индийском океане. У меня даже есть стемка на видео...

Влад ВАСЮХИН.

фото Михаила Сердюкова